

ЗЕМЛЯ И НЕБО

ПОЭТЫ, даже весьма даровитые, приучают нас к себе постоянством тематических и стиливых предпочтений. Собственно, в этом проявляется их творческая индивидуальность. Наверное, неплохо, когда на любом стихотворении можно ставить фамильное клеймо, своеобразный фирменный знак.

Но как все-таки обостряется интерес к поэту, когда видишь знакомое имя, а стихи под ним совсем — по крайней мере, внешне — не напоминают прежние, чем-то разительно отличаются от них, и в то же время это — стихи, поэзия!

С подобным чувством я прочел стихотворение Ольги Фокиной «Не приближай к себе звезду...» («Литературная газета», 29 июня 1977). Прочел, узнавая и в то же время не узнавая хорошо знакомого мне поэта. Земля и небо. Мечта и реальность. Никогда прежде подобных коллизий не замечалось у Фокиной. Надо ли напоминать о том, что тематически она теснейшим образом связана с русским севером, с его природой и жизнью северной деревни? Связь эта органична, стилистически закреплена фольклорными элементами, ибо север — своеобразный заповедник устного народного творчества, и тем речевым колоритом, который идет от новгородского корня. Стихи Фокиной легко узнаваемы.

Неспроста я сюда хожу —
Косу русую распушу,
Косу о пояс распушу,
Лентой камень перевяжу,
С серым камешком заодно
В черный омут пойду на дно.
(«Я хожу сюда неспроста...»)

Фамильное клеймо Ольги Фокиной здесь хорошо заметно. И вот начало другого стихотворения, которое открыло для меня в Фокиной нечто новое:

Не приближай к себе звезду.
Не порывайся убедиться,
Что звезды любят высоту —
Без высоты им не светиться.
Не слишком превышай
права,
Неугомонный человек:
Есть для тебя — по грудь
трава.
Есть для тебя — цветы
по плечи.
И голубой прохлады шелк,
И вдоль поляны след
росистый.
И соловьиный перещелк,
И звоны речки
серебристой...

Строки, в которых трудно обнаружить какие-либо характерные стиливые особенности Фокиной. Спор реалиста с романтиком идет в том лексическом и стилистическом порядке, который можно охарактеризовать

как современный, может быть, несколько усредненный, а в одной метафоре («голубой прохлады шелк») — навязчиво поэтический.

Эта часть стихотворения еще не дает оснований для выводов и обобщений. Пока мы констатируем отход от правила, изменение внешних стиливых признаков и следим за движением характера, за оттенками чувства, фиксируем отношения реалиста к романтику.

Но на холме, поправ цветы,
Стоишь ты, голову закинув,
И звезды смотрят с высоты
Тебе в глаза —

светло и дивно.
И уж земная красота —
Не красота как будто вовсе,
И лучезарная мечта
Ввысь от земли тебя унесит...
И полночь новая придет,
И вновь — звезда

перед очами.
И, замышляя
звездный взлет,
Ты перестанешь спать
ночами.

О стихотворении

Ольги Фокиной

«Не приближай к себе звезду...»

И в первом отрывке, в начале, спор реалиста с романтиком не носит антагонистического характера. Хотя реалист и предупреждает романтика, что возможности человека ограничены («Не слишком превышай права...»), а земля — прекрасна, зачем же, мол, рваться в неведомое, но он равнодушен к нему: «неугомонный человек» — это сказано с явным расположением.

Второй отрывок — уже не спор и даже не видимость спора. Становится ясно, что и в начале реалист выставлял свои аргументы, не столько принципиально отвергая дерзкую мечту о звездах, сколько проявляя заботу о благе и безопасности человека-мечтателя, ибо дальше он явно восхищается им, показывает его целеустремленность, нравственную неуклончивость, преданность идее. Весь романтический антураж подчеркивает незаурядность его натуры, умение все духовные, нравственные и физические силы сосредоточить в одном направлении, в одном стремлении к трудной и высокой цели.

Реалист (в этой роли выступает лирический герой стихотворения) уже несколько не сомневается, что его безмолвный оппонент не отступится от своей мечты, что он пойдет на любой риск ради ее достижения.

И, расползу земную тишь,
Собю землю озаботив,
Ты полетишь, ты полетишь,
Ты полетишь —
на звездолете!
Упорный, долгий непокой
Вознаградишь,
сравнясь с богами,
И тронешь трепетной рукой
Звезды студеной
мертвый камень.

Из оппонента в споре романтик превращается в героя стихотворения, ибо внимание поэта теперь целиком сосредоточено на нем. В трехкратном повторении глагола полетишь с местоимением ты выражена и сила характера человека-мечтателя, и вера в успех его рискованного предприятия.

И поскольку теперь лирическое начало почти совсем ступивается, центром притяжения всех компонентов выразительности становится объективированный персонаж, то образ его — в полном соответствии с началом, с замыслом, с авторским отношением — приобретает возвышенно-романтические черты.

Важно также обратить внимание на деталь, имеющую существенное значение для общей мысли стихотворения, она скрыта в строке «собю землю озаботив...». Подвиг романтика (а он воспринимается уже как подвиг) — отнюдь не акт одиночного героизма, он имеет всеобщее значение, ибо заботит множество людей, населяющих землю.

И снова меняется интонация, меняется лексика, стихотворение как бы возвращается в сферу земного притяжения, в нем чувствуется тепло, излучаемое нашей планетой.

Обратно — рад или не рад, —
Не одолев сердечной грусти,
Спешу в надежный аппарат,
Терпи тройные перегрузки.
Как прежде, всякий раз нова,
Земля спешит тебе
навстречу...

Вновь для тебя — по грудь трава,
Вновь для тебя —
цветы по плечи,
И голубой прохлады шелк,
И вдоль поляны след
росистый,
И соловьиный перещелк,
И звоны речки
серебристой.

«Рад или не рад» — сказано, конечно, в шутку, чтобы разрядить атмосферу высокой космической романтики, а вот про надежный аппарат — в полном соответствии с земными заботами, эпитет надежный закрепляет связь между героем космоса и его земным окружением.

Не гочия здесь строка «как прежде, всякий раз нова», она вносит какую-то путаницу, ибо подвиг покорителя космоса во всем стихотворении воспринимается как единственный акт. Фокина, видимо, не нашла более органичного перехода, но дальше все идет на иной эмоциональной волне, кольцевая композиция подчеркивает цикличность действия, завершенность сюжета. Мечта воплощена в жизнь, человек возвращается к своей исходности. И тот же земной пейзаж, бесконечно близкий, родной, получает еще более эмоциональную, чем в начале, окраску, ибо теперь он видится в контрасте с мертвенным космическим пейзажем.

Расширяя диапазон мировидения, Ольга Фокина возвращается к милой, обжитой ею земле, но возвращается обогащенной душевно. Не берусь предсказывать, повлечет ли за собой это стихотворение новые стиливые и мировоззренческие изменения в творчестве Ольги Фокиной, однако мне кажется, что оно выражает желание перемены, внутреннюю необходимость обновления.

А.А. МИХАЙЛОВ

Книжная графика

Из иллюстраций
А. АНТОНОВА к
сборнику стихов
О. Фокиной «От
имени серпа».

